

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

YOUNG SCIENTIST

УДК 94(470.56)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-377-393

ГОЛОД 1932-1933 гг. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ажигулова А.И.

Цель. Целью данной статьи является изучение влияния голода 1932–1933 гг. на изменение численности населения Южного Урала.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют историко-сравнительный, историко-системный, а также методы критического анализа, с помощью которых был изучен ряд исторических источников – статистические отчеты, докладные записки, специальные справки, которые содержат информацию о рассматриваемых событиях.

Результаты. Голод 1932–1933 гг. нанес отпечаток на несколько поколений людей, став причиной роста смертности среди населения Южного Урала. Автором доказано, что качество учета рождаемости и смертности того времени содержало ряд погрешностей. Это было связано с наличием территорий, где отсутствовали органы ЗАГС, а население не привыкло к регистрации рождений, смертей или браков в новой советской форме. Таким образом, вводя в оборот данные о естественном и механическом приросте за 1930-е гг., важно принимать во внимание все недочеты. Автор приходит к выводу, что наиболее высокий уровень смертности наблюдается среди детей до одного года, затем, чем больше возраст, тем меньше риск смерти. Динамика смертности по областям Юж-

ного Урала подробно представлена в численных и процентных показателях. Среди населения Южного Урала в 1930-е гг. самый высокий процент смертности наблюдается среди сельчан, что объясняется трудностями сельского уклада жизни, преобладанием в этот период аграрного сектора над индустриальным.

В результате исследования установлена специфика голода на разных территориях. В некоторых областях Южного Урала временные рамки голода выходили за общепринятые локально или эпизодически.

Важность изучения голода 1932–1933 гг. обусловлена еще и попыткой современной Украины представить эту трагедию, как политику геноцида. Автор придерживается точки зрения ряда отечественных историков о всеобщности трагедии голода 1932–1933 гг. без национальной специфики. Изучение региональной истории и специфики голода 1932–1933 гг. позволяет говорить о его всеобщности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социальной поддержки населения, при решении современных проблем демографии, в процессе преподавания истории.

Ключевые слова: Голод 1932–1933 гг.; численность населения; смертность; докладные записки; колхозы; Южный Урал.

THE FAMINE OF 1932-1933. IN THE SOUTHERN URALS AS ONE OF THE FACTORS OF CHANGE IN POPULATION

Azhigulova A.I.

Purpose. The purpose of this article is to study the impact of the famine of 1932–1933 years in the population change of the Southern Urals.

Methodology. Basis of research is historical and comparative, historical and systematic, methods of critical analysis, which examined a number of historical sources, statistical reports, memoranda, special certificates, which contain information about the events.

Results. *The famine of 1932–1933 years caused the mark on several generations of people, causing increased mortality among the population of the Southern Urals. The author has proved that the quality of records of births and deaths of that time contained a number of errors. This was due to the availability of land where there was no registrar, and the population is not accustomed to registering births, deaths or marriages in the new soviet form. Therefore, using turnover data on natural and mechanical growth during the 1930 years, it is important to take into account all the shortcomings. The author comes to the conclusion that the highest mortality is observed among children up to one year, then the more the age, the lower the risk of death. Dynamics of mortality by regions of the southern Urals are presented in detail in numerical and percentage terms. Among the population of the southern Urals in the 1930 years, the highest percentage of mortality observed among the villagers, due to the difficulties of rural lifestyle, dominated in this period, the agricultural sector over the industrial one.*

The study established the specificity of hunger in different areas. In some areas of the southern Urals time frame hunger went beyond generally accepted locally or episodically.

The importance of studying the famine of 1932–1933 years caused by a attempt of modern Ukraine to present this tragedy as genocide. The author takes the point of view of a number of local historians about the universality of the tragedy of the famine of 1932–1933 years without national specificity. The study of regional history and the specifics of the famine of 1932–1933 years allows us to speak of universality

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of social support of the population, the solution of modern problems of demography, in the process of teaching history.*

Keywords: *The famine of 1932–1933 years; population; mortality; memoranda; farms; Southern Urals.*

Важное место по количеству и сложности социально-экономических и политических процессов в российской истории занимают 1930-е гг.: форсированная индустриализация, сплошная коллекти-

визация с ее раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голод 1932–1933 гг., массовые политические репрессии. Эти события существенно повлияли на демографическое развитие населения, изменив его численность и состав.

Особую роль в изменении численности населения в 1930-е гг. сыграл голод 1932–1933 гг. При рассмотрении темы голода нужно учитывать, что факторы и причины его могут быть самые разные – от уровня аграрного развития региона до продовольственного обеспечения населения. Из которых к субъективным относятся: методы и темпы коллективизации и заготовительных кампаний, объемы заготовок, раскулачивание. При этом следует учитывать объективные факторы – трудности сельского уклада жизни, а также природно-климатические условия.

Голод 1932–1933 гг., второй по счету в стране советов, по масштабу не уступает первому голоду, охватившему страну в 1921–1922 гг. В эпицентре оказались районы, традиционно специализировавшиеся на зерновом производстве, это Украина, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Центрально-Черноземная область и Южный Урал. Региональная специфика голода была обусловлена его абсолютной формой, временными и территориальными границами и отличиями в последствиях для населения и экономики. Локальные эпизоды голода выходили за общепринятые хронологические рамки. На Урале продовольственные затруднения и единичные случаи голодания проявлялись еще в конце 1920-х гг., а последствия ощущались в 1934 г. [10, с. 385]. Это был первый в стране искусственный голод, когда политический фактор был решающим и доминировал над всеми другими. В основе голода лежали действия государственной власти, конкретные решения в экономической и политической области. В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор, в 1932–1933 гг. не наблюдалось природных катаклизмов, подобных великим засухам 1891 и 1921 гг., хотя погода и не была идеальной для сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные учеными Института сельскохозяйственной метеорологии. Исходя из достигнутого на

тот момент технического уровня и зафиксированных показателей температуры в период созревания урожая, было установлено, что в 1931–1933 гг. должен быть получен урожай, хотя и пониженный в ряде районов (до 30%), но вполне достаточный, чтобы не достигнуть массового голода [10, с. 300].

Негативные явления в демографическом развитии позволяют судить об истинных масштабах голода. Демографическая статистика дает возможность рассмотреть влияние голода на демографическое поведение, оценить потери населения вследствие данного социального бедствия.

Следует отметить, что качество учета рождаемости и смертности того времени было не на самом высоком уровне. Это было связано с наличием территорий, где отсутствовали ЗАГСы или еще не были сформированы сельские советы, а население не привыкло к новой советской форме регистрации рождений, смертей или браков, часть населения продолжала по привычке обращаться к церковнослужителям. Таким образом, данные о естественном и механическом приросте за 1930-е гг. нельзя назвать полными. Как следует из анализа годовых отчетов республиканских Управление народнохозяйственного учета (УНХУ) по механическому движению населения СССР с 1931 по 1934 гг., ни одно республиканское УНХУ сектора населения и здравоохранения не выдержало полностью сроков, кроме БССР по всем формам и УССР по форме № 1, больше того, в материалах, представленных УНХУ РСФСР, обнаружены ошибки [13, л. 13]. Например, процент охвата городов и населения учетом механического движения вычислен ко всем городам без учета городов с не налаженной работой адресных столов и городов, не имеющих адресных столов. Таким образом, понятно, что процент охвата механического движения населения понижен. К тому же в большей группе городов в 1934 г. производилась перепрописка населения, в течение которой текущего учета не было. Хуже всего процент охвата населения городов обстоял, в том числе, в Башкирской АССР, которая не приводит в отчетах даже 50% охвата населения учетом [13, л. 15]. В данном случае приводятся недочеты документов именно голодных

лет, сами работники УНХУ также страдали от голода; понятно, что работа по сбору информации о народонаселении велась в трудное время. В.В. Кондрашин, считает, что в период 1932–1933 гг. механическое движение населения особенно увеличилось, люди бежали из колхозов в города в поисках пищи.

По мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, в начале 1930-х гг. значительная часть демографических событий не была зарегистрирована. Для СССР в 1930–1933 гг. их поправка на неполноту учета составила 49,9% от всех зарегистрированных смертей и 10% от всех зарегистрированных рождений, а с учетом территорий, не охваченных систематической регистрацией, общий процент недоучета составлял 41,5% для рождений и 93,5% – для смертей [1, с. 84].

Оценивая дошедшие до сегодняшнего дня документы 1930-х гг., открытых для широкого круга исследователей, необходимо подчеркнуть отсутствие полного охвата данных. Особенно это касается статистических отчетов. Сам период 1930-х гг. наполнен целым спектром реформ, осуществление которых часто происходило в сжатые сроки, поэтому неудивительно, что на местах просто не успевали воспринять и исполнить все спускаемые сверху требования. Тем не менее, нужно отдать должное документам, дошедшим до нас и их составителям, ведь почти все отчеты писались в трудное время голода, раскулачивания, репрессий и других социально-политических процессов.

По мнению Е.Ю. Баранова, именно в постсоветской историографии сложилось критическое отношение к данным советской статистики о населении. Много говорится о ее ненадежности, недостоверности вследствие погрешностей регистрации, неполноты охвата населения статистическим учетом в тот период, а также вероятной сознательной фальсификации отдельных сведений. Однако однозначного ответа о достоверности данных советской статистики на сегодняшний день нет [2, с. 24]. Е.Ю. Баранов пишет о возможности использования нескорректированных данных по регистрируемому населению за отдельные периоды и подкрепляет это утверждение

словами историка-экономиста С. Уиткрофта, что «данные по регистрируемому населению СССР выглядят полными и правдоподобными» [2, с. 25]. Имеющиеся данные о демографических потерях позволяют говорить о важных предположительных цифрах жертв голода и хотя часть из них не вошла в официальные документы (по разным причинам), зная уровень погрешности, можно говорить о размерах и масштабах событий 1932–1933 гг.

Голод 1932–1933 гг. сопровождался массовой смертностью населения и унес жизни не менее 7 млн. человек. Из них 3–3,5 млн. в Украине, 2,5 млн. в РСФСР, 1,5 млн. в Казахстане. Это была трагедия всей советской деревни, голод не имел национальной специфики [10, с. 309].

Голод на Южном Урале имел свои специфические черты, так как отдельные случаи дали о себе знать уже в конце 1920-х гг. начале 1930 г. К примеру, в Бугурусланском районе Оренбургской области в 1930-м г. насчитывалось 36835 хозяйств (26,4%), которым необходимо было оказать продовольственную помощь из бедняцкого фонда [12, с. 16]. Как свидетельствует докладная записка заведующего Бугурусланским окружным торговделом С. Евсюкова секретарю Бугурусланского окружкома ВКП(б) Левитину «беднота за отсутствием хлеба, вынуждена питаться суррогатами. На почве этого имела место опухоль от недоедания» [15, л. 27]. Таким образом, ситуация в 1930 г. действительно была серьезная, поэтому и был создан бедняцкий фонд, для которого крайторгделом было отпущено 150000 пудов. С. Евсюков пишет, что если принять во внимание тот факт, что нуждающихся должны кормить пять месяцев (с 17 марта по 15 августа), то на одно хозяйство с пятью членами семьи приходится муки лишь 28,3 фунта. Такая норма недостаточна. Необходимо создать фонд бедноты не в 150000 пудов, а 528000, что в среднем выйдет на одно хозяйство в месяц 2,32 пуда, а на едока 300 грамм печёного хлеба в день. Только при отпуске этого количества хлеба представляется возможность с большой натяжкой удовлетворить острую потребность бедняцких хозяйств.

Такая ситуация не могла остаться без внимания. Было проведено специальное обследование по некоторым районам отдельных бед-

няцких хозяйств. Оно установило, что беднота за отсутствием хлеба вынуждена питаться суррогатами. На почве недоедания имела место опухоль от голода. Массовость подтверждают следующие результаты обследования. В селе Исайкино (Коровинского района): «... беднячка Федотова Анна, семья состоит из четырех человек, питается отходами от сортировки семян. Член сельсовета Ласкин, семья из 6 человек питается отходами, выдаваемыми сельсоветом, вынужден был резать лошадь. Беднячка Кузнецова Александра из Самаркинского сельсовета, семья состоит из семи человек, едят лебеду, отец с матерью выехали на сторону, оставив детей одних, дети имеют нездоровый вид, бледные, животы пухлые. Бедняк Точилев Николай, семья состоит из 6 человек, с ноября ест желуди, которые мешают с просом, жена и сам обессилили». Были случаи, когда колхозы в полном составе остро нуждались в пище: «Все члены колхоза «Красный родник» едят почки от орешника, которые толкут в ступах, после чего смешивают с настоящей мукой и пекут хлеб. Житель села «Узели» бедняк Прытков Александр имеет семью восемь человек, добавляет примеси к хлебу – толченую кору липы и вяза». Из документа видно, что отдельные эпизоды голода начались с ноября 1929 года. В помощи бедняцкого фонда в начале 1930-го года нуждалось чуть больше четверти хозяйств Оренбургской области. Свою записку С. Евсюков заканчивает словами: «... приведенные факты сводятся к одному: бедняцкие хозяйства остро нуждаются в хлебе и им требуется немедленно оказать продовольственную помощь» [12, с. 17].

Как уже говорилось выше, эпизодические случаи голода встречались в Оренбуржье и в 1935–1936 гг. Об этом пишут в Облисполком помощник начальника Управления народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) Круковский и лейтенант государственной безопасности Троицкий. Оба приводят высказывания конюха колхоза Амельченко в апреле 1936 г. о колхозе: «Я имею 360 трудодней, расчета со мной до сих пор полностью не произведено, однако колхоз считает меня должником. Скорей удирать надо из колхоза, а то с голоду сдохнешь». Пишут, что Амельченко живет в плохой квартире, обуви и одежды не имеет, спит с семьей на голой соломе [4, л. 121].

Также в докладной записке Обкому ВКП (б) от начальника государственной безопасности УНКВД по Оренбургской области Буда представлена информация о том, что в приемник НКВД г. Оренбурга попал мальчик Шабанов Федор Васильевич, 15 лет, сын колхозницы Шабановой Соломонида колхоза «Красная Звезда»: «Изучение этого мальчика показало, что он не испорчен и всего лишь 20 дней, как ушел из колхоза в поисках куска хлеба» [4, л. 122].

Современная Челябинская область на момент голодных лет находилась в составе Уральской области. Из разных районов следовали докладные записки Уралколхозсоюза в обком ВКП(б) о тяжелом продовольственном положении в колхозах. Например, из Нагайбакского района в правление Уралколхозсоюза поступило ходатайство от 23 января 1932 г. об оказании помощи. В докладной записке председателя колхоза товарища Огнева, двадцатипятилетия, под заголовком «Строго секретно» говорится, что его колхоз при наличии 331 хозяйства с 1237 едоками при посеве 2586 га намолотил 242 центнера. Этим хлебом колхоз прожил 5,5 месяцев, обеспечивая питанием более 900 едоков. В настоящее время в колхозе имеется 5 детских яслей, 4 площадки, общественная столовая для детей, 139 школьников. Хлеба нет и это грозит развалом колхозу. Для своевременного закрепления колхоза товарищ Огнев просит срочно оказать помощь.

Подобная докладная записка поступила и от председателя Увельского района Орлова. В которой сообщается, что 1 января 1932 г. к нему прибыли делегаты – рядовые колхозники от коммуны им. Ильича и сельскохозяйственной артели «Красный Восток» и заявили, что они не доверяют своему правлению, и что вышестоящие организации не обращают внимания на продовольственный вопрос в тех колхозах, где имеется до тысячи голов скота. Зная, что вопросы животноводства имеют огромное значение, они потребовали продовольственной помощи. Больше месяца работают исключительно на одной картошке. В последний раз предупредили райколхозсоюз: «Если не дадите помощи – бросаем скот на произвол и уходим на производство». В этой же записке говорится, о не-

обходимости немедленной помощи хлебом, т.к. угроза разложения колхозов налицо: колхозники на работу не идут, некоторые колхозы больше месяца уже не получают хлеба, питаюсь исключительно картофелем, просом и суррогатами [12, с. 51]. Специальная справка секретно-политического отдела ОГПУ от 3 апреля 1933 г. содержит информацию об острых продовольственных затруднениях и голоде в разных районах Уральской области. Так в колхозе им. Сталина Михайловского сельсовета Троицкого района, который относится к Челябинской области, трупы павшего от сапа скота, залитые карболовым раствором, растаскивались колхозниками – нацменами и русскими из мест захоронения скота и употреблялись в пищу [12, с. 52].

Таким образом, голод 1932–1933 гг., в областях Южно-Уральского региона протекал по-разному, оставаясь при этом одинаково важным по степени угрозы. Голод приводил к росту числа таких заболеваний как туберкулез, брюшной и сыпной тиф, оспа, цинга и др. В ряде территорий он не закончился 1933-им г., а оставил отпечаток на рождаемости, преждевременной смертности от истощения, эпизодических случаях голодания.

Свидетельством последствий голода в первую очередь является уровень смертности. По мнению В.Б. Жиромской, в городах РСФСР с 1931 г. показатель смертности резко возрастает. Смертность в селе, оставаясь высокой все эти годы, таких резких скачков по показателям не испытывает, кроме 1933 г. Сведения о количестве населения Южного Урала дошли до нас из переписей, проведенных 17 декабря 1926 г. и 17 января 1939 г. Для сравнения общего числа населения с уровнем смертности приводится таблица 1.

Смертность на Южном Урале в начале 1930-х гг. в первую очередь свидетельствует о последствиях голода. За 1930 г. в Башкирской АССР умерло 44 521 человек, доля сельчан составляет 38 371 (86,2%) [6, л. 43]. Из них мужчин 23 390 (52,5%), а женщин 21 131 (47,5%), детей до одного года 16 393 (36,8%) [6, л. 41]. По национальному признаку на первом месте русские 22 524 (50,6%), на втором татары 9 186 (20,6%), на третьем башкиры 6 893 (15,5%) [6, л. 41].

Таблица 1.

Челябинская область	По переписи 1926 года					По переписи 1939 года				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	1105881	46,76	1258935	53,24	2364816	1312776	46,85	1489077	53,15	2801853
Городское население	183486	47,11	205961	52,89	389447	562122	47,55	620109	52,45	1182231
Чкаловская область	По переписи 1926 года					По переписи 1939 года				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	705926	47,08	793605	52,92	1499531	793051	47,30	883617	52,70	1676668
Городское население	98503	46,28	114325	53,72	212828	181578	47,79	198349	52,21	379927
Башкирская АССР	По переписи 1926 г.					По переписи 1939 г.				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	1202839	47,22	1344422	52,78	2547261	1493746	47,28	1665223	52,72	3158969
Городское население	108232	47,00	122048	53,00	230280	259795	48,08	280524	51,92	540319

Составлено по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 20, 180, 232.

Как уже упоминалось выше, документы тех лет и сохранившиеся в них данные нельзя назвать полными. Часто в одном фонде попадают дела с разными цифрами за один и тот же период. Скорее всего, это связано с тем, что сначала местные ЗАГСы отправляли имеющиеся данные, а затем дополнения к уже отправленным.

Так в Башкирии в 1931 г. умерло всего 56 532 человек, из них мужчин 29 713 (52,6%), женщин 26 819 (47,4%), детей до 1 года 19 450 (34,4%) [6, л. 56]. В другом деле этого же фонда приводятся несколько увеличенные данные за тот же 1931 г. Общее количество умерших 58 650, из них женщин 27 822 (47,4%), мужчин 30 828 (52,6%), детей до одного года 20 138 (34,3%) [6, л. 62]. Приведенные данные разнятся не на много и на общую картину демографической ситуации не влияют. По результатам статистических отчетов видно, что уже через год смертность среди населения возросла больше, чем на 10 000 человек, что является прямым результатом действия голода.

До середины 1930-х гг. в Оренбургской области происходило снижение численности сельского населения, обусловленное голодными годами. Например, в 1933 г. население области составляло 1 359 300 человека, а уже в 1936 г. 1 148 166, это на 211 134 человек меньше или на 8,4%. Особенно заметно изменение численности населения при сравнении коэффициентов прироста до 1933 г. (5,6%), к середине десятилетия (-15,2%) и к 1939 г. 12,9% [14, с. 107].

Таким образом, районы Южного Урала в 1930-е гг. пострадали от голода. Последствия этого бедствия можно оценить по статистическим данным местных архивов за 1939 г.

Самая высокая смертность в Оренбургской области в первой половине 1939 г. наблюдается в младенческом возрасте. Всего в начале 1939 г. умерло 2182 младенца, из них по городам – 23,5%, по сельской местности почти вдвое больше – 76,5%, в обоих случаях мужская смертность преобладает над женской [5, л. 51об]. В возрасте от рождения до четырех лет смертность не снижается, а увеличивается на 20,2%. Детская смертность в сельской местности была больше по сравнению с городской на 51,4% [5, л. 51об]. С пяти до девяти лет детская смертность заметно снизилась, в сельской местности 314 смертей, в городской – 63, разница на 66,5%. С десяти до девятнадцати лет показатели смертности продолжают снижаться, но деревня продолжает лидировать, затем от двадцати до тридцати девяти лет наблюдается некоторый рост, снижение общего количества смертей от сорока до шестидесяти лет [5, л. 51об]. Возраст между шестьюдесятью и семьюдесятью годами наиболее подвержен риску смерти, показатели увеличиваются с 45% до 55%, или на 10%. Всего за первую половину 1939 г. умерло 6 414 человек, из них из сельской местности – 76,6%, из городской – 23,4% [5, л. 51об].

Наиболее высокая смертность в Челябинской области за 1939 г. наблюдается в возрасте от рождения до четырех лет, это 51 045 детей. Всего в 1939 г. умерло 32 498, из них по городам 34% и почти в два раза больше по сельской местности – 66% [11, л. 75]. Наблюдается тенденция снижения количества смертей от года до четырех лет почти в два раза, в процентном отношении это 97,6% смертей в

возрасте младше одного года и 2,4% в возрасте 4 лет. С пяти до девяти лет уровень детской смертности заметно снизился: в сельской местности 145, в городской – 86 детей. С десяти до девятнадцати лет показатели смертности продолжают заметно уменьшаться с 209 до 145, затем с 21 до 31 года повышаются со 173 до 348 смертей. Наиболее подверженный риску смерти возраст от 60 до 70 лет составляет 4,2% от общего количества смертей [11, л. 75]. Всего за 1939 г. в Челябинской области умерло 73 075 человек, из них в городах 37%, в сельской местности 63%.

Таким образом, наиболее высокий уровень смертности на Южном Урале приходился на младенческий возраст, это объясняется недостаточностью или отсутствием медицинского обслуживания в деревне, тяжелым женским трудом, голодным истощением матери в первой половине 1930-х гг. Причем самые высокие показатели смертности наблюдались в начале жизни, чем больше ребенку лет, тем меньше становился риск смерти. От восьмидесяти до ста лет показатели смертности уменьшаются, но это не говорит о высокой продолжительности жизни, скорее всего до такого возраста доживало слишком малое количество людей, сказывался пережитый голод, многочасовые трудовые дни, низкий уровень жизни. Высокий уровень смертности в сельской местности объясняется преобладанием сельского населения над городским.

На территории Южного Урала в 1932–1933 гг., как и по всей стране, наблюдался голод. Трагедия этого события масштабна и не имеет национальной специфики, поэтому изучение его важно для подчеркивания всеобщей беды и избегания подобных явлений. Оценить масштабы и последствия голода помогают данные статистических отчетов тех лет, дошедшие до нас. Часть информации ускользала из поля зрения органов регистрации и учета населения по разным объективным и субъективным причинам. Тем не менее, изучение статистических отчетов необходимо для получения более конкретной информации о жертвах голода, что возможно, благодаря знанию погрешностей в данных учета. В областях Южного Урала временные рамки голода разнятся, что связано с отличиями

в хозяйственной специфике, уровнем плотности населения, своевременностью оказания помощи голодающим хозяйствам. Годы голода сказались на здоровье населения, росте смертности не только в этот период, но и в дальнейшем. Особенно уязвимой оказалась самая незащищенная часть населения – дети возрастом до одного года. Младенческая смертность была самой высокой из всех возрастных категорий в рассматриваемое время.

Статья издается при финансовой поддержке гранта Правительства Оренбургской области в сфере научной и научно-технической деятельности в 2017 г.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 143 с.
2. Баранов Е.Ю. Годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения СССР в 1920-1930 гг.: оценка информативного потенциала истрического источника (на материалах Урала) // Российская деревня в XVIII – XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.практич. конф./науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. С. 20-26.
3. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. 372 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1014. Оп. 3. Д. 22.
5. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 2. Д. 88.
6. Государственное казенное учреждение Национальный архив Республики Башкортостан (ГКУ НА РБ). Ф. 472. Оп 3. Д. 1259.
7. Демографический понятийный словарь/Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
8. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 280 с.

9. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
10. Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. Ч. 2. С. 299–312.
11. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. 485. Оп. 7. Д. 487.
12. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т.2/ Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 456 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 52.
14. Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 1 (9). С. 105–111. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
15. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНЮО). Ф. 1258. Оп. 2. Д. 56.

References

1. Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkov T.L. *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 years* [The population of the Soviet Union, 1922–1991]. Moscow: Nauka, 1993. 143 p.
2. Baranov E.Y. *Godovye tablicy statisticheskikh dannyh o estestvennom dvizhenii naselenija SSSR v 1920–1930 gg.: ocenka informativnogo potentsiala istricheskogo istochnika (na materialah Urala)* [The annual table of statistics on natural population of the USSR in the 1920s–1930s: assessing the informative potential of the historic source (on materials of the Urals)] *Rossiiskaia derevnja v XVIII–XXI vekah: sociokuturnoe izmerenie: sb. statei IX Mezhdunar. nauch.praktich. konf./nauch. red. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov. – Orenburg: Izdatelskii centr OGAU*

- [The Russian village in the XVIII – XXI centuries: a social and cultural dimension: a collection of articles IX mezhdunar. scientific.practical. Conf.] /scientific. edited by G.E. Kornilov, V.A. Labusov. Orenburg: Publishing centre OGAU]. 2014, pp. 20–26.
3. Vsesojuznaya perepis naseleniya SSSR 1939 goda: Uralskiy region : sb. Materialov. sost. V. P. Motrevich. [The General census of the Soviet population in 1939: the Urals: sat. materials. V.P. Motrevich]. Ekaterinburg, 2002. 372 p.
 4. *GAOO*. F. 1014. Op. 3. D. 22.
 5. *GAOO*. F. 1003. Op. 2. D. 88.
 6. *GKU NA RB*. F. 472. Op 3. D. 1259.
 7. *Demograficheskij ponjatijnyj slovar pod red. prof. L.L. Rybakovskogo*. [Demographic conceptual dictionary. Under the editorship of Professor L.L. Rybakovsky]. Moscow: CSP, 2003. 352 p.
 8. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. A sight into the unknown]. *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya* [Russian political encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 280 p.
 9. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main trends of demographic development of Russia in the XX century]. Moscow: Kuchkovo pole; the Union of families of servicemen of Russia, 2012. 80 p.
 10. Kondrashin V.V. Tri sovetskih goloda [Three Soviet famine]. *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaja politika Rossii v XVIII–XIX vv. Problemy istochnikov i istoriografii: istoriya i sovremennost. Orenburg: OGPU* [Agricultural development and food policy of Russia in XVIII–XIX centuries Problems of sources and historiography: history and modernity]. Orenburg: OGPU, 2007, pp. 299–312.
 11. *OGACHO*. F. 485. Op. 7. D. 487.
 12. *Prodovol'stvennaia bezopasnost Urala v XX veke. Dokumenty i materialy* [Food security of the Urals in the XX century. Documents and materials]. V. 2 / Under the editorship of G.E. Kornilov, V.V. Maslakova.] Ekaterinburg: Akademkniga, 2000. 456 p.
 13. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 52.

14. Hisamutdinova R.R., Azhigulova A.I. Chislennost' i sostav sel'skogo naselenija Orenburgskogo kraja v 1930-e gody [The size and composition of the rural population of Orenburg region in the 1930-ies]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. 2014. № 1 (9), pp. 105–111. http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
15. *CDNIOO*. F. 1258. Op. 2. D. 56.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Ажигулова Альбина Исламовна, аспирант кафедры Всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
azhigylova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Albina Islamovna Azhigulova, Graduate Student of the Department of General History and Methodology of Teaching History and Social Studies
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation
azhigylova@mail.ru